

Вадим Дамье Михаил Бакунин: От социалистического федерализма к анархизму

Роль Михаила Александровича Бакунина в возникновении анархизма как организованного идейно-политического течения трудно переоценить. Вокруг него сплотились в конце 1860-х – начале 1870-х гг. те активисты Первого Интернационала, которые затем вместе с ним положили начало мировому анархистскому движению. Это антиавторитарное крыло Интернационала нередко называют "бакунистским", и уже одно это свидетельствует о том значении, которое имело для современников и наследников имя Бакунина. Его харизматическая личность и неукротимая энергия привлекала к нему даже тех, кто не во всем разделял его взгляды. Работа Бакунина по созданию международной организации революционеров-либертариеров и выработке целей и задач ее деятельности продолжалась в общей сложности более 10 лет. Она пережила множество головокружительных перипетий и, в конечном счете, увенчалась успехом. На пример и наследие великого бунтаря XIX столетия, названного Вальтером Беньямином носителем "радикального понимания свободы", до сих пор ссылаются анархисты и анархо-синдикалисты всего мира.

И в то же время, с точки зрения формирования системы идей анархизма как концепции общественного устройства без государства, принуждения, собственности, классов и неравенства во всех видах, как "модели" всеобщего самоуправления во всех сферах человеческой жизни, Бакунин оставался еще во многом переходной фигурой. В целом, он был скорее человеком действия, чем теоретиком, который детально продумывал и излагал свои воззрения. Он проходил путь к анархизму, по существу, вместе с тем идейно-политическим течением, ведущим активистом и символом которого он являлся. Его дорога не была простой и прямой, как стрела. Частично это объясняется особенностью и спецификой личной идейной эволюции революционера – выходца из среды русских народников с их общинным социализмом и надеждами на коллективизм крестьянства. Другим фактором следует считать, безусловно, общий фон политики и идей европейского радикализма 1860-х – 1870-х годов. Хотя отдельные сторонники антиавторитарных и анархистских идей действовали и в

предшествующие десятилетия (как минимум, с конца XVIII в.) (1), именно в этот период происходит становление либертарного идейно-политического течения.

Михаил Бакунин никогда не был поборником государства. Задолго до своего перехода к анархизму, в далеком 1848 г., он писал своему другу, немецкому поэту Георгу Гервегу о том, что стремится к "миру без законов и потому свободному" (2). Но одно дело – далекие идеалы, а другое – реальная революционная борьба и общественная деятельность, в которую с головой ушел Бакунин, очутившийся в конце 1861 г. в Европе после головокружительного побега из царской ссылки. Оказавшись в определенной идейно-политической среде, российский революционер влился в нее и стал развиваться вместе с ней.

Стоит вкратце напомнить контекст событий. После провала планов организовать экспедицию в поддержку Польского восстания против царизма в 1863 г., Бакунин в 1864 г. перебирается в Италию и налаживает прочные связи с местными революционерами, продолжая, в то же самое время, поддерживать контакты, установленные им с радикальными активистами других стран. Здесь, во Флоренции, как утверждает историк анархизма Макс Неттлау, и зарождаются первые начала международного тайного общества (3). "Эпизод 1847 – 1863 гг. окончательно завершился, и он увидел вещи в их истинном свете. Он видел, как в остальной Европе растет национализм под эгидой Мадзини и Наполеона III, видел революции, в которых доверие вкладывалось в руки буржуазии или диктаторских социалистов, Жюлей Фавров или Огюстов Бланки, и видел совершенно сбившихся с пути рабочих, занявшихся тред-юнионизмом, избирательной реформой, кооперацией, – иными словами, занятых исключительно своей средой и поэтому передававших судьбы революции буржуа и диктаторам. У Бакунина, видевшего, что все партии действия работают тайно – Мадзини, Бланки, поляки и т.д. – наконец, возникла идея «Интернационального революционного общества», тайного общества, чьи члены, интернациональные братья (отсюда также название «Интернациональное братство») работали бы над распространением антигосударственных и федералистских идей, а в случае революции придали бы ей ориентацию на разрушение государства и переустройство общества снизу доверху, воспрепятствовав диктаторам и другим извращениям революции" (4). По словам Неттлау, это общество носило скорее неформальный характер, что не мешало Бакунину все время разрабатывать его программу и устав – "была у него такая слабость" (5). Все эти программные наброски имели весьма малое практическое значение. Зато они служат бесценными источниками, которые позволяют нам получить детальное представление о действительных взглядах их автора – Бакунина, и об эволюции его воззрений на власть и государство.

В проекте 1866 г. ("Принципы Интернационального революционного общества") его автор провозглашает "необходимость разрушения всех ныне существующих в Европе государств, за исключением Швейцарии и радикального уничтожения всех политических, военных, административных, судебных и финансовых установлений, составляющих в настоящее время жизнь и мощь государств" (6). Оговорка относительно Швейцарии представляется весьма существенной, поскольку в ней и заключается суть дела: для революционера речь шла не о ликвидации

государственной политической власти вообще, а об уничтожении модели централизованного государства. Поставленная им задача – *"отмена, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство опекающего главенствующего, централистического государства"* (7).

То, что Бакунин выступает в данном проекте не как анархист, а как радикальный социалистический федералист, становится очевидным и из описания им послереволюционного общественного устройства. Централизованное государство подлежало, по его мнению, замене децентрализованной федерацией на трех уровнях: низовом, региональном и общегосударственном: *"Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять, по меньшей мере, хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция"* (8). При этом Бакунин признавал принцип представительной демократии, выступая за *"непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам"* (9).

Для государства как формы организации в принципе характерна концентрация власти. Чем *"выше"* находится тот или иной государственный институт в вертикали власти, тем больше и шире его полномочия. Даже если местные органы сохраняют определенную свободу в решении локальных или региональных вопросов, центральный орган имеет право отменить их решения, если считает, что эти решения идут вразрез с общегосударственными интересами или противоречат законам государства в целом. Напротив, в проекте 1866 г. Бакунин предлагал, по существу, *"перевернуть"* властную пирамиду и сосредоточить основные решающие полномочия на местах. При этом само наличие вертикали власти им еще не отрицалось.

Согласно *"Принципам Интернационального революционного общества"*, *"основой политической организации страны должна стать безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей"*. Такая местная община должна была сама избирать и сменять путем голосования своих *"служащих, правителей и судей"*, распоряжаться *"без всякого контроля своим имуществом и финансами"*, издавать без всякого утверждения свыше собственные законы и определять свое внутреннее устройство. Общины, согласно проекту, могли объединяться в провинциальные федерации, для чего им надлежало *"согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию провинциального парламента"*, подчиняться *"приговорам провинциального суда и предписываемым провинциальным правительством мероприятиям по отношению к ней"*. На уровне провинции предусматривалось избрание провинциального парламента из одной или двух палат (представителей всего населения и представителей общин). Этот орган, не вмешиваясь во внутреннее управление общинами, должен был выработать основные положения провинциальной конституции, обязательные для всех входящих общин, утверждать законы провинции, одобрять провинциальные мероприятия и определять участие в

них общин, устанавливать налоги, контролировать работу выборного провинциального правительства, утверждать или отвергать его решения. При этом "общинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ". Наконец, *"нация не может быть не чем иным, как федерацией автономных провинций"*. Выборный однопалатный или двухпалатный национальный парламент точно так же, не вмешиваясь в управление и внутреннюю политическую жизнь провинций, должен был разработать национальную конституцию (с правами провинций отклоняться от нее во второстепенных пунктах), контролировать действия выборной исполнительной власти, принимать законы и одобрять мероприятия общенационального значения, заключать международные договоры, решать вопросы войны и мира и распорядиться набором национальной армии. Предусматривалось существование Национального суда. Наконец, на тех же самых принципах должны были, по мысли Бакунина, строиться интернациональная федерация стран и народов и ее органы (10).

Совершенно очевидно, что перед нами – проект не безгосударственного общественного устройства, а программа радикально-федералистского типа. Сторонники Бакунина противопоставляли ее централистским течениям тогдашнего социализма и пытались добиться ее принятия международным революционным движением.

Сам Бакунин еще в 1864 г. интересовался Первым Интернационалом и планировал присоединиться к нему. Но этому первоначально помешал целый ряд обстоятельств. Одним из важнейших факторов были при этом острые разногласия между его сторонниками – "интернациональными братьями" и тогдашним прудонистским большинством французских секций Интернационала. И бакунисты, и прудонисты были приверженцами радикального федерализма, но их позиции по вопросам социально-экономической организации и тактики были несовместимы. Первые были социалистами, сторонниками общественной собственности на средства производства и революционной экспроприации капиталистов; вторые же отстаивали умеренно-реформистскую линию. По настоянию последователей Прудона (А. Толена, Э. Фрибура и др.) конгрессы Первого Интернационала в 1866 – 1868 гг. приняли резолюции о развитии кооперативов и организации взаимного кредита как пути перехода средств производства в руки работников, о запрете промышленного труда для женщин и т.д. (11) Прудонисты отрицательно относились к расширению забастовочного движения. Многие участники бакунинского течения считали взгляды прудонистов неприемлемыми и возражали против участия в международной организации, в которой те доминировали.

Поэтому первоначально Бакунин (с 1867 г. живший в Швейцарии), Элизе Реклю и другие "интернациональные братья" примкнули к другому объединению – пацифистско-федералистской Лиге мира и свободы, стремясь придать ей более радикальный характер (12). В сентябре 1867 г. их группа (Бакунин, Н. Огарев, Н. Жуковский, М. Мрочковский, Я. Загорский, А. Наке) представила конгрессу Лиги резолюцию, ориентированную на антиклерикализм и социальную справедливость. Бакунин стремился убедить членов Лиги, что ее цель – достижение всеобщего мира – достижима лишь при осуществлении переустройства Европы на предлагаемых им

радикально-федералистских началах. Для обоснования своей идеи он написал проект письма Центральному комитету Лиги, известный под названием "Федерализм, социализм и антитеологизм". Как и в "Принципах Интернационального революционного общества", Бакунин позитивно отзываясь о практике республиканского федерализма (в Швейцарии и США): он призывает "решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы" и напоминает о том, что Швейцария "успешно применяет" федералистский принцип, "присоединилась к нему без всякого ограничения и приняла его со всеми вытекающими последствиями". Революционер предложил Лиге выступить за создание Соединенных Штатов Европы (13).

В этой рукописи Бакунин беспощадно критикует сам принцип государства, подчеркивая его исторический характер: "Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли... Оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить». Государство есть ограничение человеческой свободы, и даже демократическое правление может эту свободу подавлять: "Это целиком будет зависеть от назначения Государства и власти, которую граждане ему предоставят. Республиканское Государство, основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под предлогом, что оно представляет общую волю, государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества" (14). Другой порок государства – это национальная ограниченность, "патриотизм", т.е. тенденция принимать во внимание исключительно собственных гражданам или подданных, "отрицание человечности", неизбежно порождающее войны. Бакунин видит в государстве проявление принципа "авторитета", т.е. идеи, "что массы, будучи *всегда* неспособны к самоуправлению, во всякое время должны пребывать под благотворным игом мудрости и справедливости, так или иначе навязанным им сверху" (15). В любом государстве всегда управляет привилегированное меньшинство, в ущерб наемным работникам: "Ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись без принудительного труда наемных или порабощенных масс" (16). Так обстоит дело во всех государствах, "даже если они наделены самыми демократическими институтами, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария... Self-government масс, несмотря на весь аппарат народного всемогущества, является там по большей частью только видимостью" (17).

В этой незаконченной рукописи Бакунин не предлагает принципов политического устройства, которым следовало бы, по его мнению, заменить государство (за исключением общего упоминания об интернациональной федерации). Тем не менее можно отметить, что его антиэтатизм становится здесь более резким, решительным и обоснованным.

Критика в адрес государства и самого принципа государственности нашла отражение и в написанном Бакуниным во второй половине 1860-х гг. проекте "Программа общества международной революции". В нем повторяется ряд положений, намеченных в рукописи "Федерализм, социализм и антитеологизм". Государство, по мнению Бакунина, – это "историческая организация принципа власти и опеки,

божеской и человеческой, над народными массами во имя какой-либо религии, либо исключительных привилегий одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам рабочих, подневольный труд которых они жестоко эксплуатируют". Как видим, здесь уже совершенно отчетливо сформулирована анархистская мысль о том, что любое государство неразрывно связано с классовым неравенством и угнетением и не может не быть инструментом классового разделения и господства. "Государство, неизбежно основанное на эксплуатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость, неизбежно должно быть грубым, хищническим, грабительским и стремится к завоеваниям. Государство – всякое государство, безразлично, монархия или республика, есть отрицание человечности" (18).

Наконец, осенью 1868 г. был подготовлен очередной проект программного документа "Интернационального братства", в котором выдвинута цель "радикальной и всемирной, одновременно философской, политической, экономической и социальной революции, с тем чтобы от современного порядка, основанного на частной собственности, эксплуатации одних людей другими, нищете, невежестве и всякого рода авторитетах, не осталось камня на камне". Там же провозглашается "полное уничтожение всякого государства, всякой церкви, всех религиозных, политических, бюрократических, судебных, финансовых, полицейских, экономических, университетских и фискальных учреждений" и захват "коллективом всего социального капитала, земельной собственности, горных промыслов, квартир, общественных зданий, церквей, орудий производства, сырья, ценных металлов и готовых продуктов". Задача "отмены и ликвидации государства" выдвигается в качестве немедленной. "Мы призываем *анархию*", – заявлено в этом наброске (19).

Важность этого небольшого текста состоит еще и в том, что в нем впервые (хотя и в самых общих чертах) объясняется, как "организовать анархию", т.е. чем надлежит заменить отменяемое государство. Вместо федерального переустройства существующих государств предлагается действовать в ходе восстания "без малейшего внимания к территориальным делениям и существующим государственным границам". Предлагается провозгласить повстанческие "временные общины" и соединить их в федерацию через посредство делегатов с "императивными мандатами". Эти делегаты должны были затем составить "совершенно отдельные и независимые друг от друга комитеты" по конкретным вопросам и отраслям деятельности: "Из всего этого составит великий федеративный союз революционной солидарности, все действия которого будут вдохновляться непосредственно народными массами и непосредственно от них получать одобрение". Так осуществится "провозглашение всемирной и солидарной моральной революции" (20).

Дальнейшая эволюция взглядов Бакунина и его сторонников в сторону разработки анархистской альтернативы общественного устройства происходила уже в рамках Первого Интернационала. Попытки склонить на сторону своих идей Лигу мира и свободы с ее либеральным большинством оказались безуспешными. Между тем, положение в самом Интернационале существенно изменилось: в 1867 – 1868 гг. прудонисты утратили преобладающее влияние в его французских секциях, и гегемония перешла к так называемым "коллективистам" (Э. Варлен, А. Бурдон и др.),

которые придерживались федералистских взглядов, но, в отличие от ортодоксальных последователей Прудона, выступали за общественную собственность на средства производства, за расширение забастовок и революционные формы борьбы. По многим аспектам их позиция приближалась к взглядам Бакунина и его друзей.

В сентябре 1868 г. Бакунин предпринял последнюю попытку добиться перемен в Лиге мира и свободы. На ее Втором конгрессе в Берне он выступил с предложением объединить усилия Лиги и Интернационала и взять курс на революцию, целью которой будет "уравнение классов" (т.е. ликвидация классового деления общества). Однако из 110 участников заседания в поддержку этих предложений выступили всего 18 (включая Элизе и Эли Реклю, Николая Жуковского, Джузеппе Фанелли, Саверио Фриша и Альберто Туччи). Потерпев поражение, сторонники Бакунина ("социалистическое меньшинство Лиги") вышли из Лиги и создали Международный альянс социалистической демократии. Его программа предусматривала совершение революции, "торжество дела пролетариата против капитала", ликвидацию ("уравнение") классов и уничтожение государства: "Все ныне существующие политические и авторитарные государства, все больше и больше сокращаясь до простых административных функций социальных служб в своих соответствующих странах, должны исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций, как сельскохозяйственных, так и промышленных" (21).

Выступая от имени Альянса, Бакунин обратился к Генеральному совету Первого Интернационала с просьбой о приеме в состав международного объединения трудящихся. Интересно, что идея вступления в качестве простой секции все еще встречала оговорки со стороны французских членов Альянса, прежде всего, Элизе Реклю и Виктора Жаклара. Убежденные противники прудонизма, они все еще опасались пагубного влияния этого течения и в дискуссии с Бакуниным отстаивали идею сохранения Альянса в качестве самостоятельной международной организации в рамках Интернационала. Однако такой вариант был неприемлем для Генерального совета, отвергавшего существование "двойных структур" (22). Вопрос был урегулирован в 1869 г.: центральное бюро Альянса официально распукалось, а его секции вступали в качестве секций в Интернационал.

Действуя в составе Первого Интернационала, сторонники Бакунина в последующие несколько лет сыграли решающую роль в организации его секций в Италии и Испании. На Базельском конгрессе (сентябрь 1869) они продолжали противостоять прудонистам, блокируясь, в первую очередь, с французскими коллективистами, бельгийскими сторонниками С. де Папа, но также с приверженцами К. Маркса. Совместными усилиями им удалось добиться принятия резолюции о праве общества отменить частную собственность на землю и превращении земли в общественное достояние. Звучали на конгрессе и синдикалистские идеи: французский коллективист Жан-Луи Пэнди представил доклад о роли и задачах профсоюзов, подчеркнув, что в будущем обществе они должны будут образовать "свободные коммуны, причем правительство и муниципальные управления будут заменены советами делегатов от профессиональных рабочих союзов" (23).

Всего за несколько лет до этого Бакунин с известной симпатией высказывался о федеративной модели Швейцарии и всеобщих выборах. К 1870 г. его отношение к этим вопросам стало резко критическим. В работе "Бернские медведи и Петербургский медведь" он подверг развернутой и уничтожающей критике институты представительной демократии и даже прямую демократию в рамках существующей государственнической системы. Правда, Бакунин по-прежнему противопоставляет автономию кантонов политической централизации и общегосударственному правительству, ибо "всякое правительство, даже самое демократическое – естественный враг свободы, и чем более оно централизовано, чем сильнее, тем оно становится более угнетающим" (24). Но он замечает, что "во всех странах, где существует представительный образ правления, а Швейцария является одной из таких стран, свобода, стало быть, может быть реальной лишь при условии, если этот контроль – действительный. Наоборот, если этот контроль только фиктивный, народная свобода становится неизбежно также простой фикцией. Было бы нетрудно доказать, что нигде в Европе нет действительного народного контроля" (25). Бакунин обрушивается и на сам принцип представительства: "Когда было введено всеобщее избирательное право, подумали, что свобода народа теперь обеспечена. Но это была большая иллюзия... Вся ложь системы представительного правительства покоится на той фикции, что власть и законодательная палата, выбранные народом, непременно должны, или даже только могут, представлять действительную волю народа" (26). На самом же деле это невозможно, поскольку интересы правящих и управляемых, "опекунов" и "опекаемых" противоположны, между ними не может быть равенства. "Когда есть политическая власть, есть господство. А там, где существует господство, более или менее значительная часть общества необходимо находится в подчиненном положении, те же, кто находится в подчиненном положении, естественно ненавидят тех, кто господствует, тогда как те, кто господствует, должны необходимо подавлять и, следовательно, угнетать тех, над кем они господствуют" (27). Положение не спасет даже создание правительства и парламента из рабочих и социалистов: они вскоре превратятся, даже помимо собственной воли, в новый господствующий слой. Тем более дело обстоит так в буржуазном обществе, где политическое равенство между гражданами является фикцией, поскольку имущий класс пользуется своими возможностями (включая свободное время, знания ситуации, законов и т.д.) для того, чтобы влиять на массы избирателей, которые намного хуже разбираются в материях законодательства и управления. В момент выборов претенденты на власть могут делать вид, что их интересует мнение простого народа. "Когда выборы закончены, каждый возвращается к своим обыденным занятиям: народ к своему труду, а буржуазия к своим доходным делам и политическим интригам. Они почти не встречаются больше, не знают друг с другом. Каким образом народ, обремененный работой и не имея понятия о большей части поднимаемых вокруг него вопросов, будет контролировать политические акты своих выборных? И разве не ясно, что контроль избирателей над своими представителями лишь простая фикция?" (28)

Бакунин утверждает, что наиболее свободными являются местные (коммунальные) выборы, где народ еще может действительно выразить свою волю и более или менее понимает, за что он голосует. Выборные органы кантонов еще дальше от простого

человека, и уж совсем далеки от него национальные парламент и правительство. И даже "референдум, или прямое народное законодательство" – "только паллиатив, новая иллюзия, ложь" (29).

Проанализировав политическое устройство Швейцарии, Бакунин приходит к анархистскому выводу: Поскольку "вернуться к политической автономии кантонов невозможно", а "сохранить политическую централизацию нежелательно", то "дилемма имеет только одно решение: уничтожение всякого политического государства, как кантонального, так и федерального, превращение политической федерации в экономическую, национальную и международную федерацию" (30). "Нужно, – пишет он, – совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью; потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. По уничтожении политической власти нужно ее заменить организацией производительных сил и хозяйственной жизни страны" (31).

На Базельском конгрессе Интернационала 1869 г. проявились и разногласия между сторонниками Бакунина и Маркса, хотя в тот момент по вопросу скорее тактического характера. И те, и другие выступали в принципе за общественную собственность на средства производства, но первые предлагали в качестве первостепенной меры на этом пути отмену права наследования, вторые же полагали, что исчезновение этого права станет естественным следствием процесса социальных преобразований. Ни то, ни другое предложение в итоге не набрало необходимого большинства голосов.

Настоящие, действительно непримиримые противоречия между "бакунистами" и "марксистами" сказались уже в начале 1870-х гг. Мощный стимул им придали события, связанные с франко-прусской войной 1870 – 1871 гг. Поражение Франции и вспыхнувшее под его влиянием широкое революционное движение, названное современниками "коммунальной революцией" (наиболее громким и известным ее эпизодом стала знаменитая Парижская коммуна), дали возможность Бакунину и его сторонникам попытаться реализовать свои идеи на практике. В сентябре 1870 г. Бакунин принял участие в восстании в Лионе и попытке провозглашения коммуны. Предполагалось, что аналогичные выступления в других городах и районах Франции приведут к созданию Революционной федерации коммун, которая заменит Французское государство. Программа этой федерации была написана Бакуниным и во многом отражала его анархистские взгляды, хотя и несла на себе печать определенного компромисса с другими революционными течениями – бланкистами и неоякобинцами. Согласно этому документу, революционные коммуны различных городов страны, "которые подготовили и руководят солидарно и координировано революционным движением за свержение императорской тирании", должны были объединиться в федерацию и провозгласить, что их федерация "ЭКСПРОПРИИРУЕТ всю государственную и частную собственность, все предприятия, земли, движимое и недвижимое имущество на территории французской Республики". Должны были быть аннулированы и отменены все долги и ипотеки, право наследования, все прежние законы, декреты и административные распоряжения,

налоговая система и т.д. Все государственные учреждения упразднились. Армия и полиция подлежали роспуску и замене революционным народным ополчением (32).

Хотя "коммунальная революция" во Франции потерпела поражение, она обогатила представления социалистов о революционном движении и будущем общественном устройстве. Стихийная инициатива "снизу", помимо программ и проектов, дала образец основной базовой единицы свободного общества – самоуправляющейся территориальной единицы (коммуны). Различные социалистические течения сделали вывод о том, что именно объединению этих территориальных образований в той или иной форме и предстоит заменить современное государство. К такой мысли пришли не только бакунисты и коллективисты, но и Маркс (33). Расхождения касались того, каким быть такому объединению, как оно должно организоваться и действовать и каким образом можно к нему прийти.

Не вдаваясь в детали противоборства между "марксистами" и "бакунистами" в 1869 – 1872 гг., которое и привело, в конечном счете, к расколу Первого Интернационала, а вместе с ним и всего мирового социалистического движения, отмечу, что непосредственной причиной размежевания между ними стали организационные разногласия и различное отношение к политической борьбе за власть. В 1871 г. Маркс и его сторонники собрали в Лондоне конференцию Интернационала, на которой был поставлен вопрос о централизации организации и увеличении полномочий ее Генерального совета. Была принята резолюция о том, что "образование рабочей политической партии необходимо для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее высшей цели – уничтожения классов" (34). Такие партии (позднее получившие название социал-демократических) могли принимать участие в выборах, а в потенциале должны были ориентироваться на завоевание политической власти и построение социалистического общества.

Напротив, "бакунисты" выступили за укрепление автономии секций, входящих в Интернационал, и против оформления рабочего движения в виде централизованных политических партий, ориентированных на борьбу за власть. Конгресс Юрской федерации в Шо-де-Фон под их влиянием принял резолюцию, в которой выдвигалась задача ликвидации государственной политической власти как таковой. "Полное освобождение трудящихся возможно только при условии изменения политического общества, основанного на привилегии и власти, в общество экономическое, покоящееся на равенстве и свободе... Всякое правительство, или политическое государство, есть не что иное как организация эксплуатации, выражением которой является юридическое право", – говорилось в резолюции. Из этих положений делался вывод о том, что "всякое участие рабочих в буржуазной правительственной политике" (т.е. выборах) недопустимо и контрреволюционно, а потому следует "отказаться от всякой деятельности, имеющей целью социальные изменения при посредстве политических национальных реформ" и "перенести свою энергию на устройство федеративных профессиональных союзов – единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции" (35).

Таким образом, в центре размежевания между марксистами и анархистами - "бакунистами") оказался именно вопрос о государстве, различное отношение к

которому определяло расхождения и в тактике, и в форме организации. Сам Бакунин в письме к итальянским единомышленникам (январь 1872) описывал эти разногласия так: Маркс "хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, – но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, временного правительства, т.е. путем отрицания свободы. Его экономический идеал – государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала... Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего того, что зовется юридическим правом... Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов" (36).

В работе "Государственность и анархия" Бакунин обвиняет марксистов в намерении создать после революции "переходное" государство, что неминуемо приведет, по его мнению, к формированию нового правящего класса из чиновников и привилегированных специалистов: "Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, невысказано – вот почему мы враги государства" (37). Он высмеивает представление о том, что вначале необходимо завладеть государственной властью (путем восстания или выборов), а затем постепенно вести дело к ее "отмиранию", проводя социальные преобразования: "Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют называть его народным?" – спрашивает он (38).

Ранее Бакунин уже высказывал те же мысли в статье о Парижской коммуне: марксисты "полагают, что они должны организовать рабочие силы для того, чтобы овладеть политической властью государств", тогда как сторонники его течения "организуются ввиду разрушения или, выражаясь более учтиво, ввиду ликвидации государства" (39). Равенство должно установиться в мире "путем спонтанной организации труда и общей собственности производственных ассоциаций, организованных и федерируемых в коммуне, и путем столь же спонтанной федерации коммун, но не путем высшего и опекающего действия государства" (40). И в этом смысле, по мнению Бакунина, Парижская коммуна подтвердила правоту его единомышленников, которые не стали декретировать проведение социалистических мер сверху, но положились на инициативу самих масс. Социальная революция, доказывает он, во всем отличается от революции политической, она не может "быть декретирована и организована ни диктатурой, ни вышедшим из политической революции учредительным собранием" (41). Ее осуществляют сами трудящиеся, беря в свои руки средства производства и управление собственной жизнью и открывая путь новому общественному устройству. "Будущая социальная организация должна быть создана исключительно снизу вверх, путем свободной ассоциации и федерации трудящихся, сперва в ассоциациях, затем в коммунах, регионах, нациях и, наконец, в

великой интернациональной и всемирной федерации" (42). Эта точка зрения была подтверждена на Брюссельском конгрессе федералистского Первого Интернационала в 1874 г.

Как видим, ко времени смерти Бакунина в 1876 г. были в основном сформулированы (при его активном участии) многие фундаментальные положения анархистской революционной "доктрины", такие как концепция социальной (а не политической) революции, отрицание представительной демократии, политических партий и борьбы за власть, упор на социально-экономическую борьбу с государством и капитализмом через рабочие союзы, обобществление собственности в ходе самого революционного переворота путем ее захвата объединившимися и самоорганизованными трудящимися, ликвидация государства с заменой его федерацией коммун и рабочих ассоциаций. Тем не менее некоторые положения теории все еще имели недостаточно четкий или не вполне последовательный характер. Их доработка происходила уже после кончины Бакунина, в рамках созданного им и его последователями антиавторитарного (федералистского) Первого Интернационала (43).

Так, опыт Парижской коммуны оставил неразрешенным вопрос о форме организации народного самоуправления в отдельных коммунах. Было неясно, следует ли обновить муниципальный совет, состоящий из выборных депутатов, и наделить его властными полномочиями – или необходимо решительно упразднить сам принцип представительства, заменив власть прямым самоуправлением трудящихся (жителей). Во второй половине 1870-х гг. анархисты окончательно избрали второй путь. Конференция окружных федераций Испанской региональной федерации (1876) одобрила следующие принципы, которые должны были быть осуществлены в момент революции: объявление населенных пунктов свободными и независимыми от национальной структуры; переход в их руки всего находящегося на их территории имущества; роспуск всех органов и институтов государств; создание на местах советов из делегатов от жителей и их ассоциаций и состоящих из них технических специализированных комиссий; созыв окружных и региональных конгрессов для объединения местностей в свободные федерации снизу вверх и координации совместной деятельности. Конгрессы на всех уровнях должны были образовываться из делегатов "снизу" и формировать технические комиссии для решения практических задач (44). Конгресс Юрской федерации (1878) подтвердил принцип "ликвидации государства во всех его формах" и требование "автономии коммун", в которых и следует начинать революционные преобразования. Участники конгресса подчеркнули при этом, что речь ни в коем случае не идет об участии в политике на муниципальном уровне (45). Коммуны должны были объединяться в свободные федерации.

Позднее анархисты придали этим положениям более четкие формулировки, отделяющие анархизм от федералистского муниципализма: сама местная коммуна должна стать собранием делегатов от различных групп населения и инициатив, которые будут не управлять, а действовать в соответствии с императивным мандатом от тех, кто их направил.

Парижская коммуна, подчеркивал П.А. Кропоткин в 1881 г., еще "не порвала окончательно с традициями государства и представительства, не постаралась

осуществить в Коммуне той организации, которую она представляла себе, провозглашая независимость и свободную федерацию коммун... Так как в это время анархические идеи не проникли еще в сознание народа, он остановился на полпути. В своей Коммуне он высказался за старый принцип власти и учредил Совет Коммуны, наподобие Городской Думы. Раз мы признаем, что центральное правительство абсолютно не нужно для регулирования соотношений между коммунами, неужели мы допустим его необходимость для регулирования взаимных отношений между группами, составляющими Коммуну! Раз мы предоставляем свободной инициативе коммун право входить в соглашения относительно предприятий, касающихся нескольких коммун, неужели мы откажем в этом праве группам, составляющим каждую коммуну? Правительство в Коммуне не имеет большего *raison d'être*, чем правительство над Коммуной" (46). В качестве позитивного примера Кропоткин и Элизе Реклю ссылались на греческие полисы и средневековые города-коммуны с их структурой общих собраний жителей.

"Чтобы заставить голосование почти полностью исчезнуть, – объяснял на конгрессе Юрской федерации 1878 г. Поль Брусс, – достаточно ввести принцип автономии повсюду, где это возможно сделать... Провозгласим на этой почве автономию квартала, региона, коммуны, и закон большинства сразу же отступит. Принцип автономии может быть сперва применим, благодаря специализации интересов. Установите автономию профессий, группы потребителей, образовательного общества, музыкального общества и т.д. – и вы также заставите отступить закон числа" (47). Иными словами, анархисты провозгласили принцип самоуправления любой группы людей, которая сможет решать свои вопросы общим собранием и координировать действия с другими объединениями через делегатов с императивным мандатом.

Бакунин до конца жизни сохранял в своих взглядах непоследовательность и в отношении к так называемому "национальному вопросу". Он резко обрушивался на национализм и государственный патриотизм, но, очевидно, разделял модные в его время представления о коллективной психологии народов и связанных с ней характерных чертах. Многие из его высказываний на эту тему сами отдают тем самым национализмом, который он столь яростно отвергал. Возможно, на его воззрениях сказались многолетние связи с русским народничеством и славянскими национальными движениями Европы. В период франко-прусской войны Бакунин призывал защищать Францию и т.д. Однако похоже на то, что его взгляды медленно эволюционировали в сторону более реального (а не противоречивого) интернационализма. Так, он осуждал идею национального единства, критикуя, в частности, действия Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди по созданию объединенного итальянского государства, а в 1875 г. пытался отговорить итальянского анархиста Э. Малатесту от участия в антитурецком восстании в Герцеговине (48). Историк анархизма М. Неттлау подмечает эту противоречивость в позиции Бакунина и так характеризует более позднее отношение к ней анархистов: "Дело в том, что интернационализм был еще слабо развит у людей, которые, подобно Бакунину, перешли к нему непосредственно от национализма ... Мы учимся у Бакунина – социального критика и смелого поборника свободы; это – его специальность. Его

взгляды в других областях для нас не обязательны, если мы, действительно, анархисты" (49).

Анархистская идея автономии местных коммун и их федераций, в конечном счете, вступала в противоречие с этническим или национальным подходом и вела к революционному космополитизму. Так, в заявлении протеста, направленном Испанской региональной федерацией Первого Интернационала в кортесы (1871), в ответ на обвинение в том, что ее члены являются "врагами родины", провозглашалось: "Да; мы хотим заменить жадное чувство родины огромной любовью к человечеству, а узкие и искусственные границы – великой родиной труда, миром. Нет другого средства избежать войн наподобие франко-прусской" (50). В последующие годы большинство анархистов склонилось к формуле "Мир – наша родина" (Э. Реклю на конгрессе Юрской федерации 1878 г.) (51). Критическое отношение к "национально-освободительным" войнам также сложилось постепенно. Как замечает М. Неттлау, "первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны" было отмечено на Бернском конгрессе федералистского Интернационала в 1876 г. Эта позиция была изложена в манифесте, написанном Ш. Перроном, Дж. Гильомом, К. Кафиеро и Н. Жуковским. Поддержавшие его "объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной" (52).

Наконец, третья область, в которой соратники и последователи дополнили и развили Бакунина – это представление об экономической структуре анархистского общества. Сам Бакунин был убежденным коллективистом: сторонником общественной собственности, но распределения по принципу предоставления каждому работнику "продукта его труда". Во второй половине 1870-х гг. анархисты (прежде всего, Юрская и Итальянская федерации) перешли к принципу анархистского коммунизма: распределению на основе принципа "от каждого по способностям, каждому по потребностям" при безгосударственном общественном устройстве. Эта идея активно дискутировалась около 1876 г. В том же году ее одобрил Флорентийский конгресс Итальянской федерации. В Юрской федерации на конгрессе 1878 г. участники склонялись к тому, чтобы считать анархистский коммунизм конечной целью, а коллективизм – путем к нему. Но в 1880 г. конгресс юрцев в Шо-де-Фоне последовал примеру итальянских товарищей (53).

Возведение здания классического анархизма – процесс, в котором решающая роль принадлежала Михаилу Бакунину, развивавшемуся вместе со своим «детищем» – на этом этапе завершился.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Среди них можно назвать Сильвена Марешаля, Уильяма Годвина, Жана-Жозефа Мэя, Жозефа Дежака, Эрнеста Кордеруа, Элизэ Реклю и др. По ряду положений приближались к анархизму федералистские взгляды Пьера-Жозефа Прудона и его последователей.

(2) Nettlau M. Breve Historia de la Anarquia. – S.l.: Ediciones "CENIT", s.d. P. 88.

(3) Nettlau M. Bakunin. – [S.l.]: Schwarze Presse, 1972. S. 46.

(4) Nettlau M. Breve Historia... P. 89.

- (5) Ibidem.
- (6) Бакунин М.А. Принципы Интернационального революционного общества // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. – М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 98.
- (7) Там же. С. 42.
- (8) Там же. С. 47.
- (9) Там же. С. 42.
- (10) Там же. С. 47 – 53.
- (11) Zoccoli H. Die Erste Internationale // Die Erste Internationale 1864. – Berlin: Libertad Verlag, 1979. S. 22 – 24
- (12) Clark J. P. La pensée sociale d'Elisée Reclus, géographe anarchiste. – Lyon: Atelier de création libertaire, 1996. P. 83.
- (13) Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. С. 17 – 18.
- (14) Там же. С. 88 – 89.
- (15) Там же. С. 105.
- (16) Там же. С. 97.
- (17) Там же. С. 105.
- (18) Бакунин М.А. Программа общества международной революции // Бакунин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 319 – 320.
- (19) Интернациональное братство // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. С. 114 – 115.
- (20) Там же. С. 116.
- (21) Zoccoli H. Die Erste Internationale. S. 23 – 26. Текст программы альянса см.: Programme et Règlement de l'Alliance publique // Bakounine M. De la guerre à la Commune. – Paris: Édition anthropos, 1972. P. 583 – 586.
- (22) Schrupp A. Weder Marxistinnen noch Anarchistinnen // Begegnungen feindlicher Brüder. Zum Verhältnis von Anarchismus und Marxismus in der Geschichte der sozialistischen Bewegung. Bd. 1. – Münster: UNRAST-Verlag, 2011. S. 60.
- (23) Цит.по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся. 2-е изд. – М.: КомКнига, 2010. С. 47.
- (24) Бакунин М.А. Бернские медведи и Петербургский медведь // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. III. – Пг.; М.: Голос труда, 1920. С.19.
- (25) Там же. С.20.
- (26) Там же. С.21.
- (27) Там же. С.21 – 22.
- (28) Там же. С.23.

- (29) Там же.
- (30) Там же. С.31.
- (31) Там же. С.22.
- (32) Бакунин М.А. Програма на Революционната федерация на комуните // Бакунин М. Избрани страници за и от него. – София: ШРАПНЕЛ, 2004. С. 77 – 80.
- (33) См.: Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. – М.: Политиздат, 1960.
- (34) Цит. по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. С. 65.
- (35) Там же. С. 65 – 66.
- (36) Бакунин М.А. Письмо Рубикону и всем остальным друзьям // Материалы для биографии Бакунина... Т. 3. С. 330.
- (37) Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика... С. 482.
- (38) Там же. С. 483.
- (39) Bakounine M. La Commune de Paris et la notion de l'Etat // Bakounine M. De la guerre à la Commune... P.407.
- (40) Ibidem.
- (41) Ibid. P.413.
- (42) Ibid. P.415.
- (43) В 1872 г. Первый Интернационал официально раскололся на две международные организации, каждая из которых сохранила прежнее название – "Международная ассоциация трудящихся" (традиционный русский перевод "Международное товарищество рабочих"). Сторонники централистской структуры и политической борьбы (марксисты, бланкисты, лассальянцы и др.) перенесли штаб-квартиру в США, где в 1876 г. их организация была распущена. Большинство секций Интернационала присоединилось к федералистской организации, провозгласившей автономию входящих в нее федераций как в организационном отношении, так и в выборе форм и методов борьбы. Это объединение включило анархистов, коллективистов, бельгийских сторонников Де-Папа, значительную часть социалистов и т.д. Внутренние разногласия привели к тому, что после 1877 г. оно фактически прекратило функционировать, а входившие в него секции пошли разными путями: некоторые продолжали действовать как анархистские организации (Юрская федерация, Испанская региональная федерация, Итальянская федерация и др.), другие объединились с социал-демократией.
- (44) См.: Leval G. Das libertäre Spanien. Das konstruktive Werk der Spanischen Revolution (1936 – 1939). – Hamburg: Association, 1976. S. 26.
- (45) L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. № 32. 12.08.1878.
- (46) Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 65, 69.

(47) L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. № 32. 12.08.1878.

(48) См.: Fabbri L. Life of Malatesta. –

URL:http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/malatesta/lifeofmalatesta....

(49) Цит. по: Материалы для биографии М. Бакунина... Т. 3. С.586.

(50) Protesta a las Cortes de la FRE-AIT. –

URL:<http://grupostirner.blogspot.ru/2011/04/protesta-las-cortes-de-la-ait.html>

(51) L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. №32. 12.08.1878.

(52) Неттлау М. Что должны делать анархисты в случае войны // Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. – Tucson: Спичка (The Match), 1991. С. 198.

(53) Nettlau M. Breve Historia... P. 107 – 110.

В.В. Дамье

Опубликовано: "Философские науки". 2014. №7. С.83-102